

К 125-летию со дня смерти А. С. Пушкина

ЭММА ГЕРШТЕЙН

★

ВОКРУГ ГИБЕЛИ ПУШКИНА

(По новым материалам)

Начиная с того трагического дня, когда, по выражению современника, солнце нашей поэзии закатилось, историки русской литературы стремятся воссоздать полную и достоверную картину последних дней жизни Пушкина, сложную совокупность обстоятельств, приведших его к роковой гибели. И тогда еще, в февральские дни 1837 года, многие понимали, что ни дуэль с Дантесом ни гибель Пушкина не были случайностью. Передававшееся из рук в руки стихотворение двадцатидвухлетнего Лермонтова недвусмысленно указывало на истинных виновников смерти национального гения — на «наперсников разврата», «жадную толпой» окруживших царя. Но до тех пор, пока эти строки не получили документального подтверждения, они могли расцениваться как поэтическая метафора, как возможная догадка, но не как достоверное свидетельство современника.

Сложность изучения этого вопроса состояла в том, что после гибели Пушкина царское правительство запретило упоминать в печати о дуэли поэта с Дантесом. Только значительно позже, когда многие современники сошли в могилу, стало возможным публичное обсуждение обстоятельств, приведших к трагическому финалу. Но дореволюционные историки литературы сосредоточили свое внимание лишь на семейной драме Пушкина, игнорируя уже проскальзывавшие в напечатанных мемуарах и письмах намеки на гораздо большую сложность положения поэта в последний год его жизни в Петербурге. Только советские историки смогли развернуть работы по подробному изучению истории гибели Пушкина (Б. В. Казанский, Ю. Г. Оксман, П. Е. Рейнбот, М. А. Цявловский, П. Е. Щеголев...). Но даже сегодня когда в нашем распоряжении имеются полное академическое собрание сочинений поэта, мемуары и дневники современников, когда ученые получили доступ в секретные и семейные архивы, — даже сегодня не умолкают споры, и история дуэли и мотивы поведения ее участников все еще остаются не до конца проясненными. Вот почему каждая новая подробность о жизни и смерти Пушкина до сих пор полна для нас неоценимого интереса. Появление материалов, лежащих как бы на периферии научной проблемы, заставляет подчас по-иному взглянуть на как будто уже установленные факты, в одних случаях подтверждая их, в других ставя под сомнение. Только привлечение свежих материалов или новое прочтение уже известных документов может помочь разобраться в возникающих противоречиях.

К числу недостаточно обследованных материалов принадлежит рукописная коллекция библиотеки бывшего Зимнего дворца и личные фонды Романовых (хранятся в Москве, в Центральном государственном историческом архиве). В частности, не использованы еще пушкинистами дневники жены Николая I, те самые, о которых со страстной заинтересованностью историка упоминал в своих записях сам Пушкин. В дневнике

императрицы мы встретили ряд неизвестных упоминаний о поэте и об участниках его предсмертной драмы. Но они написаны конспективно и отрывисто, без соблюдения синтаксических правил, сокращенными словами. Оно и понятно. Меньше всего царица заботилась о том, чтобы быть понятой непосвященными. Урожденная пруссачка, Александра Федоровна вела свой дневник по-немецки, перемежая родной язык отдельными французскими, иногда английскими и русскими словами. Ее записки — это регулярная хроника всех событий дня начиная от пробуждения и кончая отходом ко сну, в монотонный поток которой нередко вкраплены драгоценные для нас имена: Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Глинка...

Крайний лаконизм этих записей делал бы их зачастую непонятными, если бы неожиданно в том же Центральном государственном историческом архиве к ним не нашелся надежный комментарий. Это письма императрицы к своей ближайшей и интимнейшей подруге — графине Софье Александровне Бобринской. Каждый, кто внимательно читал дневник и переписку Пушкина, вспомнит, что встречи поэта и его жены с царем и царицей нередко происходили в доме Бобринских, что члены этой семьи играли большую роль в сношениях Пушкина с двором. Понятно, с каким интересом мы обратились к новонайденным документам, еще ни разу не привлекавшим внимания исследователей.

Сотни записочек с 1824 по 1860 год, написанных по-французски и перемешанных внутри каждого года в полном хронологическом беспорядке, с трудом поддаются прочтению. Чаще всего записочки императрицы не датированы и небрежно набросаны торопливым почерком в промежутке между двумя встречами. Иногда это продолжение оборвавшейся беседы, иногда обмен мнениями по поводу публичного торжества, на котором корреспондентки оказались разьединенными придворным этикетом. К тому же у царицы и ее фаворитки были свои секреты, которые они ревниво и предусмотрительно оберегали от чужих глаз. Соблюдая величайшую осторожность, они ограничивались в своей переписке мимолетными намеками, заменяли имена и фамилии кличками или каким-нибудь условным знаком. Внимательное ознакомление показывает, что в письмах тридцатых годов играли особую роль три персонажа: Белый (Blanc), Маска (Masque) и Бархат (Velours). Немало усилий понадобилось, чтобы выяснить, кто скрывается за этими интимными прозвищами. Сделать же это было тем важнее, что именно эти лица оказались причастными к интриге, которая велась против Пушкина и которая вызвала его гибель. В результате анализа удалось обнаружить тесную связь Дантеса с ближайшим окружением императрицы и ввести в число участников враждебной Пушкину придворной интриги целый ряд новых лиц. Впрочем, предоставляем читателю самому убедиться в правильности этих выводов.

ПУШКИН В ПИСЬМАХ И ДНЕВНИКАХ ИМПЕРАТРИЦЫ

1834 год

Из дневника

1. 14 января... представлялась красавица Пушкина.
2. 28 февраля... в 1/2 10 поехали к Фикельмонам, там у Долли переоделась в белое с лилиями, очень красиво... мои лилии цвели недолго, Дантес долго смотрел. Был красивый бал, тоска, но все же... [Французская кадрили, мазурка с Вас[илием] Алексеевичем Перовским], который был безумно печален, уютно говорили о Шиллере. 1/2 5 уехали.
3. 1 марта... К обеду Орлов и Раух. Захотелось в маскарад. Сперва в французский театр. Клотильда; ужинали; из ложи смотрели. Около часу уехали, но опять вернулись с Софьей Бобринской и Катрин [Тизенгаузен]. Немного интриговали, Дантес, здравствуй, моя милашка (bonj. m. gentille), но не так красиво, как в прошлом году.
4. 4 марта... Дантес г л а с с е н.

5. 14 марта... Вечером только Раух, Виельгорский, Васи[лий Перовский?], старая Бобринская, Сесиль [Фредерикс]. Обе смеялись... чтение п[овести] «Пиковая дама» Виельгорским, до 12. Приятный вечер. Никс в Петергофе.

Перевод с немецкого. Центральный государственный исторический архив в Москве, фонд 672, опись 1, № 413, лл. 57, 59, 59 об., 60.

1836 год

Из дневника

6. 26 апреля... нас катали мимо Эрмитажа с детьми и тремя фрейлинами... На Дантеса напал смех.
7. 12 июля... парад, ветер, много приказов... дома завтракали с Сашей и тремя девочками и с Катрин, также Павл[овский?]. Скар[ятин], Дантес дежурные, первый верхом...

Перевод с немецкого. Там же, № 414, лл. 36, 42.

Из письма к С. А. Бобринской

8. [Без даты] На днях мне принесли вашу записку в Оранienbaum, когда я одевалась, и я не знаю почему, мне вдруг показалось, что посыльным был Бархат; но нет, я знаю, что нет! ...нужно, чтобы когда-нибудь Бархат передал одно из ваших писем, надеюсь, что он его не испачкает, как записку кн. Барятинской, он вам рассказывал об этом? Он и Геккерн на днях кружили вокруг коттеджа. Я иногда боюсь для него общества этого «новорожденного».

Перевод с французского. Там же, фонд 851, № 13, лл. 21—22.

Из дневника

9. 19 ноября... Веч[ером] Софи Б[обринская] и Сесиль о женитьбе Дантеса.

Перевод с немецкого. Там же, фонд 672, № 415, л. 12 об.

Из писем к С. А. Бобринской

10. [23 ноября] ...Со вчерашнего дня для меня все стало ясно с женитьбой Дантеса, но это секрет.
11. [Без даты] ...Сегодня понедельник — вчера было воскресенье и у нас был бал, если вы об этом не знаете, и некая Софи не пришла, не предупредив, что внушало ложные надежды ее друзьям, которые, говоря себе, что она не придет, в глубине души все-таки хранили надежду.
- Я так боялась, что этот бал не удастся, что он навеет на меня столько воспоминаний. Но все шло лучше, чем я могла думать.— Было как будто весело. Пушкина казалась прекрасной волшебницей в своем белом с черным платье.— Но не было той сладостной поэзии, как на Елагинном.
- Вишнякова очень красива, молодая Барятинская и Мария Трубецкая привлекали своими высокими фигурами, стройные и гибкие. У Аннет Бенкендорф, белой как алебастр, нет, мне кажется, столько обаяния, сколько у маленькой Белосельской, которая своими прекрасными глазами и очаровательной меланхолией больше привлекает мужчин, чем ее сестра.
- Бархат держал себя безукоризненно, следил за каждым своим движением, не приближаясь к недосыгаемой для него звезде, и заслуживает ваших всяческих похвал.

Перевод с французского. Там же, фонд 851, № 13, лл. 59 и 34—35 об.

1837 год

Из дневника

12. 27 января... Во время раздевания известие о смерти старого великого герцога Шверинского и мне Никс сказал о дуэли между Пушкиным и Дантесом, бросило в дрожь.
13. 28 января. Плохо спала, разговор с Бенкендорфом, полностью за Дантеса, который, мне кажется, вел себя как бедный рыцарь, Пушкин, по словам Загряжской, как грубиян (wie ein grober Kerl).

Перевод с немецкого. Там же, фонд 672, № 415, лл. 15 об.—16.

Письмо к С. А. Бобринской

14. [28 января] Нет, нст, Софи, какой конец этой печальной истории между Пушкиным и Дантесом. Один ранен, другой умирает. Что вы скажете? Когда вы узнали? Мне сказали в полночь, я не могла заснуть до 3 часов, мне все время представлялась эта дуэль, две рыдающие сестры, одна жена убийцы другого.— Это ужасно, это страшнее, чем все ужасы модных романов. Пушкин вел себя непростительно, он написал наглые письма Геккерну, не оставя ему возможности избежать дуэли.— С его любовью в сердце стрелять в мужа той, которую он любит, убить его,— согласитесь, что это положение превосходит все, что может подсказать воображение о человеческих страданиях. Его страсть должна была быть глубокой, настоящей.— Сегодня вечером, если вы придете на спектакль, какие мы будем отсутствующие и рассеянные...

Перевод с французского. Там же, фонд 851, № 14, лл. 28—29.

Из дневника

15. 29 января... Н[икс] и К[арл] в Царское, я хорошо, гораздо меньше кашляла, выехали на прогулку. Загряжская, Пушкин еще жив. Умер 1/2 3. Катр[ин] восторженно о нем, целый день спор за и против.
16. 30 января... Загряжская о смерти Пушкина и о состоянии бедной жены.

Перевод с немецкого. Там же, фонд 672, № 415, л. 16.

Письмо к С. А. Бобринской

17. 30 января. Ваша вчерашняя записка! Такая взволнованная, вызванная потребностью поделиться со мной, потому что мы понимаем друг друга, и когда сердце содрогается, мы думаем одна о другой. Этот только что угасший Гений, трагический конец гения истинно русского, однако ж иногда и сатанинского, как Байрон.— Эта молодая женщина возле гроба, как Ангел смерти, бледная как мрамор, обвиняющая себя в этой кровавой кончине, и, кто знает, не испытывает ли она рядом с угрызениями совести, помимо своей воли, и другое чувство, которое увеличивает ее страдания.— Бедный Жорж, как он должен был страдать, узнав, что его противник испустил последний вздох. После этого, как ужасный контраст, я должна вам говорить о танцевальном утре, которое я устраиваю завтра, я вас предупреждаю об этом, чтобы Бархат не пропустил и чтобы вы тоже пришли к вечеру.

Перевод с французского. Там же, фонд 851, № 14, лл. 154—155.

Из писем к С. А. Бобринской

18. [4 февраля]¹ Итак, длинный разговор с Бархатом о Жорже. Я бы хотела, чтобы они уехали, отец и сын.— Я знаю теперь все анонимное письмо, подлое и вме-

¹ Дата устанавливается на основании упоминания в этом письме о предстоящей в этот день раздаче шифров выпускницам Патриотического института. В дневниках императрицы отмечено, что эта церемония состоялась 4 февраля 1837 года.

сте с тем отчасти верное. Я бы очень хотела иметь с вами по поводу всего этого длительный разговор.

19. [19—20 марта] Вчера я забыла вам сказать, что суд над Жоржем уже окончен — разжалован — высылается, как простой солдат на Кавказ, но как иностранец отправляется запросто с фельдъегерем до границы, и *finis est*.— Это все-таки лучшее, что могло с ним случиться, и вот он за границей, избавленный от всякого другого наказания.

Перевод с французского. Там же, № 14, лл. 31 об., 146.

1838 год

20. 21 июля [из-за границы]. ...Как вы поживаете на ваших Островах? Кто вас навещает, кто верен вашим предвечерним собраниям? Я вспоминаю бедного Дантеса, как он бродил перед вашим домом. Не удивляйтесь, что я об нем думаю, но я читала описание дуэли в поэме Пушкина *Онегин*, это мне так напомнило ту печальную историю. Одно место меня поразило своей правдивостью, напомнив о Бархате:

В красавиц он уж не влюблялся
И волочился как-нибудь;
Откажут — мигом утешался,
Изменят — рад был отдохнуть,
Он их искал без упоенья
И оставлял без сожаленья.

Перевод с французского. Там же, № 15, л. 13 об.

1843 год

21. [Без даты] Очень многолюдный, очень парадный бал, украшенный отборными красавицами, среди которых Ольга и вдова Пушкина, сияли, как небесные светила. Аврора и Матильда Демидовы очень хороши. Я хотела бы видеть их всех в согласии.

Перевод с французского. Там же, № 20, л. 28.

* * *

1

Итак, «партия» покровителей Дантеса, а следовательно врагов Пушкина, увеличивается еще двумя лицами, до сих пор остававшимися в тени. Это императрица Александра Федоровна и ее приближенная Бобринская. Дантес для них просто Жорж, они серьезно озабочены его судьбой. Впрочем, назвав двух лиц, мы не совсем точны. Есть еще некий Бархат. Совещания с ним становятся необходимым звеном в обсуждении участи убийцы Пушкина.

Александра Федоровна отзывается об афишированной страсти Дантеса к Наталье Николаевне Пушкиной в том же духе, как и все великосветские барыни,— с мелодраматическим пафосом. Даже над гробом национального поэта все ее сочувствие на стороне убийцы, а не жертвы.

Но вот 4 февраля ее тон по отношению к Геккернам меняется. Она хочет, чтобы голландский посланник был отозван, она не желает больше видеть Жоржа в Петербурге (№ 18). Небрежно она сообщает подруге о судебном приговоре (№ 19). Несколько оправдывающаяся интонация («это все-таки лучшее, что могло с ним случиться») позволяет догадываться, что отъезд Дантеса был для Бобринской огорчителен. Но о нем больше не вспоминают. И когда через полтора года гениальные строки Пушкина по глупой ассоциации возрождают в памяти императрицы фигуру Дантеса, она считает нужным сделать оговорку по поводу этого неожиданного поворота мысли (№ 20).

Причину резкого охлаждения к тому, кто еще несколько дней назад казался императрице страдающим рыцарем, искать недалеко. Объяснение мы находим в том же письме от 4 февраля (№ 18): императрица впервые узнала полный текст гнусного «диплома», посланного Пушкину. «...Я знаю теперь все анонимное письмо...» — подчеркивает она.

Перед нами редкий случай блестящего документального подтверждения гипотезы исследователей. Она подробно изложена в известной книге П. Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина».

До похорон Пушкина Николай I совершенно оправдывал Геккернов. Но 3 февраля он написал два письма: одно к брату Михаилу Павловичу, другое к сестре, жене наследного принца Вильгельма Оранского. В первом он назвал голландского посланника «гнусным канальей», во втором добавлял: «Пожалуйста, скажи Вильгельму, что я обнимаю его и на этих днях пишу ему, мне надо много сообщить ему об одном трагическом событии, которое положило конец жизни весьма известного Пушкина, поэта; но это не терпит любопытства почты»¹.

Еще накануне Геккерн, до тех пор уверенный в своей безнаказанности, тоже направил своему королю ходатайство о переводе его из Петербурга. Что-то случилось. Советские исследователи пришли к убеждению, что все дело было в подломе «дипломе», то есть в заключенном в нем намеке на самого Николая Павловича. Как выразился А. И. Тургенев, Пушкин был назван в анонимном письме «первым рогоносцем после Нарышкина». Д. Л. Нарышкин был мужем известной многолетней фаворитки Александра I, следовательно, негодяи дразнили Пушкина тем, что его жена — фаворитка Николая I.

Двадцать первого ноября 1836 года Пушкин, как известно, написал письмо к Бенкендорфу. Поэт сообщал шефу жандармов о получении им подметных писем, о своем вызове Дантесу и о том, что дуэль отменена после того, как его противник сделал предложение Екатерине Гончаровой, сестре Натальи Николаевны. Но главным ударом письма Пушкина было указание на автора подлого документа: он «удостоверился», что анонимное письмо писал голландский посланник барон Геккерн.

Бенкендорф доложил о письме Пушкина Николаю Павловичу, и 23 ноября царь дал поэту аудиенцию. На этом свидании было решено держать все дело в секрете, и с Пушкина было взято слово, что он ничего больше не будет предпринимать без ведома царя. Когда Пушкин послал 25 января 1837 года вторичное оскорбительное письмо Геккерну, Николай счел себя обиженным. Указание же на автора анонимного письма очень мало встревожило монарха: очевидно, о содержании пасквиля никто не осмелился ему доложить.

После кончины Пушкина Николай потребовал все документы по истории дуэли. Он прочел анонимное письмо, узнал о намеке «по царственной линии», и тут-то и колебалась дипломатическая карьера голландского посланника. Случилось это 2—3 февраля.

Таковы были предположения, но они не могли быть доказаны, тем более что письмо Николая I к принцу Оранскому, действительно посланное с курьером 22 февраля, до сих пор не обнаружено.

Записка императрицы к Бобринской от 4 февраля является первым документом, подтверждающим эту гипотезу. Да, верно: полное содержание «диплома» стало известно «царям» только после смерти Пушкина.

Николай Павлович был очень откровенен со своей женой. 22 ноября он рассказал ей о письме Пушкина к Бенкендорфу. «Со вчерашнего дня для меня все стало ясно с женьбой Дантеса, но это секрет», — пишет Александра Федоровна Бобринской накануне Екатерининного дня, то есть 23 ноября (№ 10). До тех пор она вместе со всеми дамами «большого света» терялась в догадках, что послужило причиной несуразной помолвки красавца кавалергарда с немолодой и некрасивой Екатериной Гончаровой. (Помолвка была объявлена 17 ноября.) «Я так хотела бы узнать у вас подробности

¹ См. П. Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина. ГИЗ. М.—Л. 1928. Все документы, не оговоренные в специальном примечании, смотреть в дальнейшем по этому изданию.

невероятной женитьбы Дантеса,— писала она в известной записке к Е. Ф. Тизенгаузен.— Неужели причиной является анонимное письмо? Что это — великодушие или жертва? Мне кажется — бесполезно, слишком поздно»¹. 19 ноября она обсуждала ту же светскую новость со своими подругами: «Вечером Софи Бобринская и Сесиль о женитьбе Дантеса» (№ 9). Знали ли обе эти дамы о вызове Пушкина и о том, что предложение Дантеса было вынужденным? Об этом мы судить не можем. Но о содержании анонимного письма, которое было известно всему городу, они так или иначе предпочли умолчать.

Что же можно было в нем скрывать, если в общих чертах императрица о письме уже знала? В тексте «диплома» нельзя найти ни одного слова, «не достойного» слуха императрицы, кроме того, что Пушкин издевательски избирается помощником председателя ордена рогоносцев «достопочтенного великого магистра ордена, его превосходительства Д. Л. Нарышкина».

Узнав об этом 3 февраля, императрица была очень взволнована. Был вызван Бархат, с вехом Бобринской с ним был долгий разговор об участии Жоржа, причем императрица высказала гвердое желание об удалении обоих Геккернов. Больше того, история с «дипломом» вызвала настоятельную потребность императрицы иметь «обо всем этом длительный разговор» с Бобринской. Это поведение Александры Федоровны совершенно совпадает с реакцией Николая Павловича. Царю надо было «много сообщить» зятю, и сообщения эти были такого характера, что они «не терпели любопытства почты». Очевидно, дело об анонимном «дипломе» затронуло семейные интересы царствующей четы.

Если у кого-нибудь еще оставались сомнения в правильности анализа советских исследователей, то теперь они должны быть отброшены.

Императрица признала, что в гнусном «дипломе» есть доля истины. Прочитав полностью весь текст анонимного письма, она нашла его «подлым», но «отчасти верным». Как это понимать?

В дореволюционной бесцензурной печати не раз описывались растленные нравы двора Николая I. Рассказывали, что императрица как «добрая» помещица выдавала замуж фрейлин, имевших счастье заслужить благосклонность императора. Утверждали, что императрица «благословила» связь своего супруга с В. А. Нелидовой. Но скептики, обманутые внешней чопорностью придворного круга при Николае I, считали подобные толки преувеличенными, письма же императрицы к Бобринской подтверждают их.

Все это надо иметь в виду, оценивая отзыв императрицы Александры Федоровны о намеках безыменного «диплома».

В записках императрицы открывается гораздо бо́льшая близость Дантеса ко двору, чем это предполагалось до сих пор. Для тех, кто хранит преувеличенное представление о строгостях придворного этикета, будет неожиданностью узнать, что на балу у Фикельмонов Дантес не сводил глаз с императрицы, и совсем уже невероятным покажется им неслыханно фамильярное обращение француза к замаскированной императрице: «...здравствуй, моя милашка». Однако это правда, удостоверенная самой героиней.

После упоминания об этом имя Дантеса совершенно исчезает со страниц дневника Александры Федоровны, чтобы вдруг выскочить снова в 1836 году. Теперь он вместе с кавалергардом Скарятиним дежурит при ее «особе»; сопровождает ее на катанье в Петергофе. Хотя усыновление Геккерном Дантеса шокирует царицу, она не теряет к нему своего расположения. Но мы нигде не встречали, чтобы она называла кого-нибудь из молодых людей просто по имени. Очевидно, это происходит из-за близости Дантеса к Бобринской. А это прокладывает уже новую тропинку к гой стороне придворной интриги, о которой до сих пор биографы Пушкина не подозревали.

¹ Н. В. Измайлов. Пушкин и Е. М. Хитрово. В книге «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово». Л. 1927, стр. 200.

Тридцатого января 1837 года Геккерн писал голландскому министру иностранных дел Верстолку: «Нахожусь пока в неизвестности относительно судьбы моего сына. Знаю только, что император, сообщая эту роковую весть императрице, выразил уверенность, что барон Геккерн был не в состоянии поступить иначе». Откуда же мог знать посланник на следующий же день после смерти Пушкина, что сказал царь своей жене, сообщая ей о дуэли? Теперь источник информации дипломата открылся: он узнал о словах Николая Павловича от С. А. Бобринской, которая на следующее утро после дуэли получила письмо от императрицы (№ 14). Очевидно, Бобринская была тесно связана не только с Жоржем, но и с его приемным отцом. Вспомним две загадочные записки голландского посланника, на которые теперь проливается новый свет. Одна из них, очень странная по содержанию и по тому получившая в специальной литературе наименование «воровской», заканчивается такой фразой: «Мадам де Н. и графиня Софья Б. передают тебе всяческие приветы. Они обе горячо интересуются нами»¹. Это письмо к Дантесу не имеет даты, но, по-видимому, написано уже после дуэли, когда убийца Пушкина находился под судом.

Первого марта в оправдательном письме к вице-канцлеру Нессельроде Геккерн опять ссылается на своих двух покровительниц. Защищаясь от обвинений в сводничестве Дантеса с Н. Н. Пушкиной, посланник пишет: «...я обращаюсь к свидетельству двух особ, двух дам, высокопоставленных и бывших поверенными всех моих тревог, которым я день за днем давал отчет во всех моих усилиях порвать эту несчастную связь».

«Мадам де Н.» раскрывается исследователями как графиня М. Д. Нессельроде. Это не вызывает возражений: пагубная роль этой опасной и властолюбивой интриганки в судьбе Пушкина достаточно выяснена. Но до сих пор оставалась в тени вторая «дама». По ряду косвенных признаков исследователи склонны были назвать ее графиней Софьей Борх. Теперь мы можем с уверенностью их поправить: несомненно, это была графиня Софья Александровна Бобринская, в салоне которой, кстати сказать, постоянно бывал вице-канцлер Нессельроде.

Французский реакционный политический деятель А. Фаллу, приезжавший в 1836 году в Петербург и подружившийся там с Дантесом и некоторыми его однополчанами, восторженно называл рядом с именем графини Нессельроде имя графини Бобринской. По его словам, она отличалась «умом проникательным и твердым» и держала в своих руках «жезл правления петербургскими салонами». Как главенствовала Бобринская в придворных гостиных, мы не видим, но из писем императрицы выясняется, что эта тонкая дипломатка совершенно подчинила себе духовно свою коронованную подругу.

Софья Александровна Бобринская (урожденная Самойлова) была моложе императрицы на год — она родилась в 1799 году. Когда она была фрейлиной императрицы Марьи Федоровны, она вышла замуж за внука Екатерины II, графа А. А. Бобринского. В 1834 году он был назначен церемониймейстером — вот почему «старая» Бобринская и ее сын нередко выручали Пушкина, когда он нарушал правила дворцового этикета. На этом основании Бобринские считаются расположенными к великому поэту. Так ли это, увидим позднее.

«Молодая» Бобринская любила, внешне оставаясь в тени, руководить тем, что называлось на великобукетском языке «общественной жизнью». Свадьбы, помолвки, пожалование придворных должностей, маленькие амнистии царя «нашатавшимся» молодым людям — вот видимый круг ее постоянных забот.

Еще в начале двадцатых годов московская барыня Римская-Корсакова, описывая перипетии драматической любви своей дочери к брату Бобринской, Н. А. Самойлову, сетовала, что графиня Бобринская «всех фельдъегерей выдумала»². И действительно, Самойлов по настоянию родных женился не на любимой им Корсаковой, а на богатой

¹ А. С. Поляков. О смерти Пушкина. Госиздат. Пг. 1922, стр. 17—18. В переводе автора с французского допущена ошибка, принятая П. Е. Щеголевым, но исправленная В. В. Казанским. Мы принимаем перевод последнего.

² М. Гершензон. Грибоедовская Москва. М. 1928, стр. 147.

наследнице своего опекуна. Как видим, будучи еще совсем молодой, С. А. Бобринская уже проявила себя энергичной свахой.

Таковой она осталась и через пятнадцать лет. «К гр. Бобринской (Самойл.) с нею.. об Авроре: она уладила дело с Демид[овым]. Поведение Авроры и Демидова. Боб[ринская] отказала за нее...» и т. д.— записывает А. И. Тургенев в дневнике 28 декабря 1836 года. Софья Александровна отказывается от имени красавицы Авроры Шернваль жениху, затем устраивает ее брак, получает на это, как видно из письма императрицы, разрешение Николая I.

«Мария Ст[ольпина] сказала мне, что вы водворяете мир в доме Трубецких»¹,— пишет императрица подруге в 1839 году. С. Бобринская была необходимым лицом во всех семейных затруднениях.

Были у нее и другие функции. «Что мне исключительно неприятно, это то, что ваш дом был и слыл местом свиданий. Я вас понимаю и не упрекаю, но, боюсь, что чрезмерным участием к другим вы компрометируете нашу дружбу»²,— пишет ей императрица в 1834 году по поводу открывшейся беременности одной из ее фрейлин. Как видим, Бобринская не брезговала и сводничеством.

«Вы могли бы сделать кое-какие замечания Бархату, со всей возможной мягкостью и как будто бы от своего имени,— пишет ей императрица 22 марта 1837 года.— Если мы опять поедем на Елагин... нужно будет соблюдать особую осторожность»³. После прогулки в Петергоф, где все «ухаживанья протекали вдали от императора, но на глазах у Бенкендорфа», императрица пишет: «Я вам говорила, что это Бенкендорф, Орлов и Раух составили союз против этих бедных молодых людей, которые вели себя безукоризненно...» Результат этого враждебного «союза» не заставил себя ждать. «Все это было замечено, добавлено наблюдениями, сделанными на Елагином, и вылилось наружу,— в смятении рассказывает Александра Федоровна.— Император со мной говорил от своего имени и от имени других. Чтобы вас успокоить, я должна начать с того, чтобы вам сказать, что был назван не он один, но, к счастью, два брата тоже, потому что все трое окружали мать и дочь в играх»⁴. Совершенно очевидно, что «кроткая» и «миловидная» (по отзыву современника) Бобринская добровольно взяла на себя беспокойные обязанности высочайшей сводни.

Вот какой женщине Геккерт-посланник «изо дня в день давал отчет» о взаимоотношениях Дантеса с Натальей Николаевной. Можно быть уверенными, что Бобринская не была пассивной слушательницей. Ясно, что она была одним из дирижеров или соучастников «гнусной интриги» Геккертов против Пушкиных. Какие же цели она преследовала?

3

Осторожная глухая записка императрицы к Бобринской. Самое главное заключено в первой и последней фразах. Прочтем ее целиком:

«Да здравствует дипломатия! Вы незаменимы, моя красавица, при выполнении самых трудных и щекотливых поручений.

Вот вы уложены в постель на два дня, бедная Софи. Я в расстройстве из-за переезда в Зимний дворец. Каждый раз в этих случаях я благодарю бога, когда в конце пребывания там все мои, большие и малые, остаются живы и здоровы. Чем больше детей, тем больше тревожишься, чем больше счастья, тем больше боишься его потерять.

Мой фаворит и покровитель старик Строганов с сегодняшнего дня обер-шенк, о чем, вероятно, вы узнали еще раньше меня»⁵.

¹ Письма к С. А. Бобринской. Перевод с французского. Центральный государственный исторический архив в Москве, фонд 851, № 16, л. 168.

² Там же, № 11, л. 19.

³ Там же, № 14, л. 97 об.

⁴ Там же, № 15, л. 31—31 об., 33—33 об.

⁵ Там же, № 14, л. 1—1 об. Эта записка ошибочно отнесена владельцами архива к 1837 году. Но написана она 5 декабря 1836 года — в этот день Г. А. Строганову был пожалован новый придворный чин. В тот же день обер-гофмейстер Нарышкин получил извещение о том, что императрица дала разрешение на брак своей фрейлины Екатерины Гончаровой с Дантесом. Не связаны ли оба эти события?

«Старик Строганов!» У каждого, кто помнит биографию Пушкина, при этом имени промелькнет образ старомодного вельможи, кочующий по всем романам и пьесам, посвященным гибели поэта. В молодости знаменитый донжуан, даже упомянутый в этом качестве под собственным именем в поэме Байрона, русский посол в Испании и Португалии так нашумел своими любовными приключениями, что заслужил кличку «диавль Строганов». В старости он уважаемый в Петербурге царедворец, покровительствующий сестрам Гончаровым. Связанный с ними дальним родством (он двоюродный брат матери Натальи Николаевны), Строганов принимает деятельное участие в жизни семейства Пушкиных. Он предостерегает поэта от политических неприятностей, указав, что в статье иностранного журнала Пушкин назван представителем оппозиции; он безуспешно пытается примирить Пушкина с Дантесом после женитьбы последнего на Екатерине Гончаровой; он берет на себя хлопоты по устройству похорон убитого Пушкина, назначен опекуном его детей. Все эти поступки позволили некоторым исследователям и их интерпретаторам в художественной литературе отвести Г. А. Строганову «голубую» роль миротворца.

Теперь нам открываются новые штрихи для его характеристики. Оказывается, Строганов был фаворитом императрицы и, что еще для нас важнее, подопечным хлопотуны Бобринской: она даже узнала о новой «милости» царя Строганову еще раньше императрицы. Почему же?

Не было обращено внимания на то, что покровитель Натальи Николаевны Пушкиной состоял в близком родстве с Бобринскими. С. А. Бобринская приходилась родной племянницей первой жене Строганова. Близкие родственные связи были поддержаны тесной дружбой, связывающей оба семейства.

Достоин внимания также и то, что далеко не все в пушкинском кругу симпатизировали Строганову. Так, в одном из неопубликованных писем П. А. Вяземского, написанных вскоре после смерти Пушкина, мы находим такие иронические отзывы о Строганове, как «старый метрдотель» или «французский *outschitel*». Еще резче и гораздо обоснованнее отзывался о Строганове А. И. Тургенев. 6 декабря 1836 года он записывает в своем дневнике: «Жуковский журил за Строган[ова]: но позвольте не обнимать убийц братьев моих, хотя бы они назывались и вашими друзьями и приятелями!»

А. И. Тургенев, по-видимому, не захотел поздравить царского фаворита с новой «милостью». Брат декабриста, заочно приговоренного к вечной каторге, не забывал об особых «заслугах» Строганова перед престолом: в день 14 декабря он оставался верным Николаю Павловичу, а потом был назначен членом Верховного суда, приговорившего декабристов к казням, каторге и ссылкам.

Александр Иванович Тургенев скептически относился к дружбе «убийцы» Строганова с Жуковским и Пушкиным. Последуем его примеру.

Г. А. Строганов был непосредственным виновником кровавой развязки ссоры Пушкина с Геккернами. Когда голландский посланник получил 25 января последнее письмо поэта, он, как рассказывал Данзас, «бросился к Строганову». Сам Геккерн писал об этом своему министру, желая прикрыться авторитетом «почтенного» царедворца: «Я не хотел опереться только на мое личное мнение и посоветовался с графом Строгановым, моим другом. Так как он согласился со мною, то я показал письмо сыну, и вызов господину Пушкину был послан».

Друг Геккерна и Пушкина (?!) был блюстителем условных законов дворянской чести, — толкуют этот поступок Строганова некоторые исследователи. Между тем этот поступок не был единственным доказательством принадлежности попечительного родственника Натальи Николаевны к «партии» Геккернов. Все семейство Строганова — и он сам, и его вторая жена, и взрослые сыновья от первого брака были яростными врагами Пушкина. Вспомним поведение среднего сына этого вельможи, который «после поединка ездил в дом раненого Пушкина, но увидел там такие разбойнические лица и такую сволочь, что предупреждал отца своего не ездить туда»¹. Так отзывался о почитателях гения Пушкина А. Г. Строганов. От него не отставала и его мачеха, графиня

¹ Русский архив, 1911, г. I, стр. 176.

Юлия Строганова. Известно, что в траурные пушкинские дни она «возмутила негодованием друзей поэта», послав из квартиры Пушкина записку к Бенкендорфу с требованием «присылки жандармских чиновников якобы в охранение вдовы от беспрестанно приходивших... студентов»¹. А 17 февраля 1837 года А. И. Тургенев записал в своем дневнике: «...Жук[овский] о шпионах, о гр[афине] Юлии Строг[ановой], о 3—5 пакетах, вынесенных из кабинета П[ушкина] Жук[овским]. Подозрения. Графиня Нессельроде...»

И так же как в случае с запиской о «двух высокопоставленных дамах», внимание исследователей было обращено только на графиню Нессельроде, а роль Юлии Строгановой осталась неосвещенной. Между тем к числу злейших личных врагов Пушкина принадлежала еще и ее незаконнорожденная дочь — известная Идалия Полетика. Это она компрометировала Наталью Николаевну, от нее исходили злостные и клеветнические слухи о семейной жизни Пушкиных.

Нет ничего удивительного, что вечер 27 января Строгановы провели не у постели смертельно раненного поэта, а в доме его убийцы. «Если что-нибудь может облегчить мое горе, то только те знаки внимания и сочувствия, которые я получаю от всего петербургского общества,— писал Геккерн Верстолку в том же письме 30 января.— В самый день катастрофы граф и графиня Нессельроде, так же как и граф и графиня Строгановы, оставили мой дом голько в час пополуночи».

Это известие было воспринято как лишнее свидетельство солидарности Нессельродов с Геккернами, а роль Строгановых осталась недооцененной. Как будто бы один красивый жест богача, давшего денег на похороны Пушкина, может затмить зловещее содержание его письма к голландскому посланнику после высылки Дантеса за границу! Строганов просил Геккерна передать его приемному сыну, что он, Строганов, хранит память «о благородном и лояльном поведении, которым отмечены последние месяцы пребывания в России» убийцы Пушкина. «Если наказанный преступник является примером для толпы,— добавлял Строганов,— то невинно осужденный, без надежды на восстановление имени, имеет право на сочувствие всех честных людей».

Более яркого выражения принадлежности к «партии» Дантеса, кажется, нельзя придумать. К этой «партии» принадлежали все те, кто присутствовал на бракосочетании Дантеса 10 января 1837 года: Нессельроде, Строгановы, ди Бутера, кавалергард Бетанкур... Все они, как видно из новонайденных писем, окружали императрицу. Однако никто из них не был так близок к Александре Федоровне, как Бобринская и ее дядя Г. А. Строганов.

Мы помним, что императрица назвала его не только своим «фаворитом», но и «покровителем». Чем объяснить это кокетливое самоуничижение «императрицы всея Руси»? Очевидно, все дело было в его младшем сыне, кавалергарде Валентине Строганове, умершем в 1833 году. Уже через шесть лет после его смерти стареющая императрица пишет Бобринской: «Я бы так хотела вместе с вами рассматривать альбом Валентина,— это навевает столько общих воспоминаний». Через несколько дней Бобринская присылает ей известную миниатюру — соколовский портрет Валентина Строганова. «Для меня,— пишет императрица,— настоящее никогда не может затмить прошлое. Портрет в а ш е г о брата произвел на меня впечатление, как будто он сам явился предо мною». «Подчас,— продолжает она,— у него было столько очарования, что-то такое соблазнительное вокруг рта, его взгляд (конечно, без очков) имел нечто столь неотразимое, проникающее в самое сердце, что я буквально страшилась этой обволакивающей атмосферы, которая, казалось, окружала его, когда ему было 26 лет»².

Александра Федоровна вспоминает здесь 1827 год — начало своего увлечения Валентином Строгановым. Роман этот окончился только с его смертью. 4 ноября 1833 года императрица записывает в дневнике: «Писала. От Софьи Бобринской известие о смерти Валентина, плакала. В старом ландо в Патриотический институт со всеми фрейлинами, я печальна. К обеду 12 человек...»³. «Я нашла ваши ноябрьские письма 1833 года,— пи-

¹ Русский архив, 1892, т. II, стр. 358.

² Письма..., № 16, лл. 27, 170 об.—171.

³ Дневники императрицы Александры Федоровны. Центральный государственный исторический архив в Москве, фонд 672, № 413, л. 79 об.

шет она Бобринской,— эпохи смерти Валентина... Я была так взволнована, перечитывая их сегодня утром, вспоминая мои тогдашние переживания, к несчастью столь похожие на мои телерешные в ноябре 35-го»¹.

И действительно, в ближайшие последующие годы переживания императрицы остались теми же. Другие имена, другие герои, но положение то же: Софья Александровна по-прежнему играет роль первой наперсницы, и Александра Федоровна не выходит из сферы влияния родственного союза Бобринских и Строгановых.

4

После смерти Валентина Строганова внимание императрицы было обращено на его старшего брата, известного московского попечителя Сергея Григорьевича Строганова. 13 мая 1835 года она пишет Бобринской из Москвы: «В нашем обществе наиболее мне приятен Сергей Строганов. Я всегда его любила, но с примесью почтительного чувства и восхищения его добродетелью и нравственными качествами. Но у меня всегда была мысль, что я ему не нравлюсь.— Мы очень сблизились в это пребывание в Москве, и оказалось, что мы хорошо понимаем друг друга и что поэтичность его характера отвечает моему. Он мечтателен, он любит немецкую литературу, и все это возвышает его душу, облагораживает его сердце и делает его для меня особенно интересным. Кокетство не производит на него никакого действия, и я так боюсь, чтобы он не заподозрил меня в желании его увлечь, что держу себя особенно просто, и беседы наши от этого протекают легко и непринужденно»².

Поклонение урожденной прусской принцессы отечественной литературе известно, но это было такой же показной стороной ее интересов, как и всё при дворе Николая I. Александра Федоровна постоянно держала у себя на столе сочинения Шиллера и Гёте, но запоем читала французские романы. Каждая новая прочитанная книга или премьера во французском театре вызывала ее мелодраматические возгласы и наивные судилища, переживания действующих лиц. Об уровне ее понятий и вкусов мы уже могли судить по характеристике «сатанинского» направления творчества Пушкина. А «энциклопедия русской жизни» — «Евгений Онегин» — послужила ей только поводом для меланхолических размышлений о ветреном Бархате.

Александра Федоровна систематически устраивала у себя литературные чтения и музыкальные вечера, но самую «сладостную поэзию» находила в прогулках на Елагин остров.

Она любила великолепную роскошь и строгость придворных балов, но «безумно интересными» казались ей только маскарады.

Она вела сентиментальные разговоры о Шиллере с В. А. Перовским и С. Г. Строгановым, но все ее помыслы были заняты «юным птенцом», дерзким кавалергардом, именуемым Бархатом.

В том же 1835 году она пишет: «Бархатные глаза (будем раз навсегда говорить обо всем бархат, так удобнее) могут рассказать вам о бале.— Они словно грустили из-за участи брата, но постоянно останавливались на мне и задерживались возле двери, у которой я провожала общество, чтобы перехватить мой последний взгляд, который между тем был не для него»³.

В письмах к Бобринской императрица ни разу не назвала своего героя по имени. Это было удобно обоим корреспонденткам, но очень неудобно нам, ибо Бархат обязательно должен быть раскрыт: он играет важную роль в обсуждении участи Дантеса, его присутствие было необходимо императрице в день смерти Пушкина, с ним она говорила о подметном письме, он «кружил» с Дантесом возле царского коттеджа в Петергофе...

Поискем его среди известных нам приятелей Дантеса. Вспомним их:

Бетанкур — его шафер. Он упоминается как близкий знакомый в письме новобрачной из Петербурга в Тильзит, когда Дантес был уже выслан.

¹ Письма..., № 12, л. 114.

² Там же, л. 74 об.— 75.

³ Там же, л. 92.

Куракин, тоже пославший письмо за границу к Дантесу. «Если, дорогой друг,— писал он,— Вам тяжело было покинуть нас, то поверьте, что и мы были глубоко удручены злосчастным исходом Вашего дела. Тот способ, которым Вы были высланы из Петербурга, не заключает в себе ничего нового для нас, привычных к высылкам такого рода, но тем не менее огорчение, которое мы испытали, и особенно я, от того, что не могли с Вами проститься перед Вашим отъездом, было чрезвычайно велико. Я надеюсь, что Вы не сомневаетесь в моей дружбе, дорогой Жорж».

Третий короткий приятель Дантеса в полку—Трубецкой. Он жил вместе с Дантесом в одной избе на маневрах в Новой Деревне; он, кн. А. И. Бярятинский и Дантес гостеприимно принимали в Петербурге уже упоминавшегося А. Фаллу. А когда, выслушав в Париже рассказ секунданта Дантеса о дуэли, Фаллу поспешил послать убийце Пушкина письмо в Петербург, он писал: «Г. д'Аршиак передал мне вчера письмо от Александра Трубецкого, скажите ему, что оно мне доставило невыразимое удовольствие. Доказательство памяти обо мне вас обоих, поверьте, всегда будет трогать меня до глубины души. Тесная дружба Трубецкого с Дантесом не подлежит сомнению».

Куракин и Трубецкой принадлежали к числу тех «красных», которые, по свидетельству П. А. Вяземского, «покрыли себя позором» после смерти Пушкина. «Они имели дерзость сделать из этой истории дело партии, дело полка,— объясняет Вяземский.— Они оклеветали Пушкина, и его память, и его жену, чтобы защитить того, кто, после того как убил его морально, кончил тем, что стал его фактическим убийцей».

Партией «красных» в узком светском кружке, к которому принадлежали Вяземский и его корреспондентка графиня Э. К. Мусина-Пушкина, назывались по цвету их парадной формы офицеры кавалергардского полка. Но в только что цитированном письме от 16 февраля 1837 года Вяземский упоминает не только «красных», но и «Красное море» («все ваши протеже «красные» и ваше «Красное море» покрыли себя позором»). Эта кличка не могла быть раскрыта исследователями, потому что было опубликовано только одно письмо Вяземского к Мусиной-Пушкиной.

Между тем в нашем распоряжении имеются и остальные — неизданные. Из них выясняется, что под «красными» Вяземский подразумевал отнюдь не весь кавалергардский полк, а только избранный кружок его офицеров. В письмах к Мусиной-Пушкиной «красные» раскрываются Вяземским персонально. «Le gouge par excellence» — князь Александр Трубецкой, «L'honneur gouge» — князь Александр Куракин, просто «Le gouge» — князь Петр Урусов. Что касается «Красного моря», то Вяземский, страстный каламбурист, называл так мать братьев Трубецких, то есть «мать красных», или «красная мама» (по-французски слова, обозначающие «море» и «мать», звучат одинаково: la mer и la mère).

Итак, дом Трубецких был тем гнездом, куда слетались короткие приятели Дантеса. Это тот дом, где Николай I на балу выговаривал Наталье Николаевне за то, что Пушкин пренебрег приглашением в Аничков (см. дневник Пушкина от 26 января 1834 года); это тот дом, где красавица дочь была любимой фрейлиной императрицы и фавориткой наследника; тот дом, где главенствовал, как пишет Вяземский, В. А. Перовский — личный друг Бобринской и императрицы Александры Федоровны.

Не надо забывать, что императрица была шефом кавалергардского полка. Она очень серьезно относилась к этому роду своих обязанностей. С восторгом отзывалась она о парадах и смотрах, на которых красуется верхом перед своим полком в своеобразном красном мундире. Но особенно она выделяет из общего числа кавалергардских офицеров своих четырех дежурных. Она называет их «мои четыре кавалергарда».

«Рассказывал ли вам Бархат, что вчера утром он танцевал у меня? — пишет она в начале 1837 года.— Это была неловкость, которую совершил мой брат. Мои 4 кавалергарда сопровождали полковой оркестр. С ума сойти!»¹ Бархат — в числе «четырех», но гостящий в Петербурге прусский принц Карл не понимает его роли при императрице и некстати приглашает во дворец.

¹ Письма..., № 14, л. 124 об.

Полистаем еще записочки Александры Федоровны.

Вот рассказ о гулянье на Елагином: «Долго катались на салазках... придумали новую игру — бросаться снежками в лицо друг другу. Маска и Бархат, как всегда, в нашем хвосте, следя, чтобы мы не опрокинулись. После обеда — на гору, Маска всегда на переднем месте, чтобы подать мне руку, Бархат только один раз, по обыкновению помогая другим дамам садиться в санки. Вы знаете: обычно чтобы я не утомлялась, мои казаки вносят меня на гору — но вот Бетанкур и Маска занимают их места и несут своего шефа — потом переодевание, обед, музыка, тирольские песни, игры. Комплот моих 4 кавалергардов со мной против Орлова, чтобы помешать ему меня схватить»¹.

Находим в дневнике императрицы от 14 марта 1837 года описание поездки на Елагин, совпадающей по деталям с описанным в письме. К нашему удовольствию, «четыре кавалергарда» названы здесь по именам: «Сейчас же салазки, даже солнце напоследок выглянуло... играли в снежки... тирольские песни... Орлов на корде, безумный, я прямо против него, 4 кавалергарда: Бетанкур, Куракин, Скарятин, Трубецкой...»²

Бетанкур, Куракин, Скарятин, Трубецкой... Вот откуда полетели прощальные приветствия вдогонку Дантесу — из самого дворца!

Но кто же из «четырех» Маска, а кто Бархат?

В 1835 году в письме из Калиша императрица описывает Бобринской торжественную встречу русских и прусских войск под командованием короля Фридриха-Вильгельма III: «Верхом со своими кавалергардами я дефилировала перед моим отцом (добавлю в скобках, рядом с Маской)»³. Из «Истории кавалергардов» С. Панчулидзева узнаем, что в Калиш были посланы от кавалергардского полка «А. А. Бетанкур — командиром гвардейского сводно-кирасирского эскадрона и взвод под командой Г. Я. Скарятин и А. М. Олсуфьева»⁴. Так как Бетанкур упоминается рядом с Маской и Бархатом в письме от 14 марта, а Олсуфьева среди «четырех кавалергардов» вообще нет, ясно, что под кличкой Маска скрывается Г. Я. Скарятин. Он постоянный платонический обожатель императрицы. «Маска меня занимает и даже вызывает жалость, когда мне это кажется слишком серьезным», — пишет она в том же письме из Калиша

Двенадцатого июля 1836 года Дантес дежурил вместе с Маской во дворце. А 27 января 1837 года Скарятин первый сообщил А. И. Тургеневу о свершившейся дуэли Пушкина с Дантесом.

Теперь на роль Бархата осталось только два кандидата: Куракин и Трубецкой, и оба — приятели Дантеса.

Прочтем еще одно письмо, от 26 октября 1836 года: «Вчерашний день был довольно занятным. Пироги у дяди удались. Он был так рад, видя меня у себя, угощая меня... Остальная часть семьи тоже казалась довольной. Тетя играла на фортепиано серьезные пьесы, Бархат попросил вальс, и я сделала один тур, с кем бы вы думали? — совсем не с сыном, а с Père la Rose»⁵. Далее следует описание маленького вечернего бала. Александра Федоровна подробно описывает свой наряд — «тюрбан и соответствующее платье одалиски», а затем переходит к описанию танцев: «Вечером, когда я танцевала с Бархатом, со мной произошла очень, очень неприятная вещь: я почувствовала — пусть не думают об этом дурно — что у меня спадает... пришлось убежать в другую комнату, и хотя все произошло в мгновение ока, меня мучил стыд из-за фатальности этого происшествия. Скажите, что он вам говорил об этом? Что он подумал? Мне так стыдно».

Не может быть, чтобы в своем педантичном дневнике императрица не упомянула пеловкий эпизод во время вальсирования с Бархатом. Не названы ли там действующие лица по именам? Находим запись от 25 октября, и наши поиски, как говорится, «увенчались успехом»:

¹ Письма..., № 14, л. 94—94 об.

² Дневники..., № 415, л. 20 об.

³ Письма..., № 12, л. 65 об.

⁴ История кавалергардов. Сост. С. Панчулидзева. т. IV, СПб. 1912, стр. 261.

⁵ Письма..., № 13, л. 43—43 об.

«К Трубецким, ее рождение. «Père la Rose» и все дети. Завтрак сервирован для старых и молодых, фортепиано. Вечером... я в тюрбане и соответствующем платье. Во время вальса потеряла подвязку, как раз с Труб[ецким]!»¹

Наконец-то Бархат пойман с поличным! Мы уже давно догадывались по его короткости с «красивой Софи», что возлюбленным императрицы был автор знаменитого «Рассказа об отношениях Пушкина к Дантесу» — князь Александр Васильевич Трубецкой. Теперь этому найдено прямое доказательство. Вот почему двадцатидвухлетний кавалергард ежедневно встречается с графиней Бобринской. Ведь он тоже ее двоюродный брат, а его отец — ее родной дядя по материнской линии. Бобринские, Строгановы, Трубецкие — большой клан, плотным кольцом окруживший императрицу. Верные испытанной придворной традиции, эти три семейства нашли кратчайший путь к ее уму и воле — путь альковных интриг. И Геккеры с Дантесом, поддержанные этими «наперсниками разврата», чувствовали себя в безопасности, осуществляя свой «дьявольский» план компрометации Натальи Николаевны Пушкиной.

5

В «Рассказе об отношениях Пушкина к Дантесу» кн. А. В. Трубецкой с похвальной скромностью умалчал о своих собственных отношениях к императрице. Поэтому несколько эпизодов и фраз этого «Рассказа» оставались до сих пор непонятыми.

Трубецкой, между прочим, отозвался о Дантесе, что он «относился к дамам вообще, как иностранец, смелее, развязнее, чем мы, русские... требовательнее, если хотите, нахальнее, наглее, чем даже было принято в нашем обществе». Но Трубецкой и сам отличался беспримерной наглостью. Доказательство этому мы находим в тех строках дневника и писем императрицы, которые посвящены ее старшей дочери, восемнадцатилетней великой княжне Марии Николаевне. Оказывается, если Бархат «при солнечном свете мечтает» об императрице, то «при свечах о Мэри». Александра Федоровна откровенно описывает многочисленные сцены, напоминающие игру Хлестакова с женой и дочерью гоголевского городничего.

Приходится ли удивляться после этого, что Трубецкой мог назвать гнусный «диплом», посланный Пушкину, простой «шуткой»?

В его «Рассказе» читаем: «В то время несколько шалунов из молодежи, — между прочим, Урусов, Опочинин, Строганов, мой кузен, — стали рассылать анонимные письма по мужьям-рогоносцам. В числе многих получил такое письмо и Пушкин. В другое время он не обратил бы внимания на подобную шутку и, во всяком случае, отнесся бы к ней, как к шутке, быть может, заклеил бы ее эпиграммой».

Фактические неточности не затушевывают психологической правды этого циничного заявления. Правды, конечно, не для Пушкина, а для самого Трубецкого. П. Е. Щеголев справедливо заметил: «Характерно в этом сообщении то, что автор не видит ничего особенного в действиях шалунов из молодежи, что ему представляется рассылка пасквилей по мужьям-рогоносцам делом обыкновенным, в порядке вещей. Какой же низкий моральный уровень современного Пушкину света зафиксирован свидетельством князя Трубецкого!» Удивление исследователя возросло бы еще более, если бы он знал, что одним из названных «шалунов» был фаворит императрицы, а рассказывал о его проделках следующий фаворит влюбчивой Александры Федоровны. Фамильярных парней из императорской гвардии не смущало, что в числе рогоносцев был сам царь. А ведь оба, и Трубецкой и Строганов, действовали под руководством своей двоюродной сестры — С. А. Бобринской. Чему же в таком случае могла учить эта опытная и умелая сводня Дантеса?!

Прямо ответить на этот вопрос еще трудно, потому что наши сведения о взаимоотношениях Бобринской с Дантесом пока исчерпаны. Но не имея возможности следовать шаг за шагом за всеми этапами этой сложной интриги, мы можем установить ее общее направление и догадываться о ее цели.

Александр Карамзин, пораженный открытиями о поведении обоих Геккернов, которые он сделал уже после смерти Пушкина, писал 13 марта 1837 года брату Андрею:

¹ Дневники ..., № 415, л. 10 об.

«Эти два человека, не знаю, с какими дьявольскими намерениями, стали преследовать госпожу Пушкину с таким упорством и настойчивостью, что, пользуясь недалекостью ума этой женщины и ужасной глупостью ее сестры Екатерины, в один год достигли того, что почти свели ее с ума и повредили ее репутации во всеобщем мнении». Это письмо Карамзина подрывает легенду о непреодолимой страсти Дантеса к жене Пушкина. «Он меня обманул красивыми словами,— пишет Карамзин,— и заставил меня видеть самоотвержение, высокие чувства там, где была лишь гнусная интрига»¹. Теперь мы узнали, что сознательная компрометация Пушкина, систематическое разрушение семейной жизни поэта велись Геккернами в тесном содружестве с целым кланом придворных интриганов. Может быть, голландский посланник действовал в своих интересах, но в данном случае для нас важно, что они встречали поддержку в домах Строганова и его ближайшей родни.

. Когда в 1834 году Пушкин с горечью писал в дневнике о своем камер-юнкерстве, он объяснил эту «милость» тем, что «двору хотелось, чтобы Наталья Николаевна танцевала в Аничкове». Теперь мы можем легко представить себе, какие ассоциации возникали у Пушкина, когда он занес в дневник эту скупую фразу. «Представление Наташи ко двору прошло с огромным успехом,— писала мать поэта 26 января 1834 года,— только о ней и говорят. На балу у Бобринских император танцевал с ней, а за ужином он сидел рядом с нею. Говорят, что на Аничковом балу она была восхитительна. Итак, наш Александр, не думав об этом никогда, оказался камер-юнкером»². Сейчас, когда мы знаем, какими приемами Строгановы и Бобринские добивались своего влияния во дворце, мы понимаем, что, взявшись опекать красавицу Наталью Николаевну, они имели на нее свои виды. Ценою своей жизни Пушкин защитил честь своей жены и честь своего имени. Но и после гибели поэта домогательства двора продолжались.

В дневниках и мемуарах современников уже мелькали указания на то, что после второго замужества Натальи Николаевны Николай I оказывал ей особое покровительство. Настойчиво намекает на это М. А. Корф. Но оказывается, что в подлиннике его дневника, хранящегося в коллекции бывшей библиотеки Зимнего дворца, заключены более определенные сведения.

Двадцать восьмого мая 1844 года Корф записывает: «Мария Луиза осквернила ложе Наполеона браком своим с Неем. После семи лет вдовства вдова Пушкина выходит за генерала Ланского... В свете тоже спрашивают: «Что вы скажете об этом браке?», но совсем в другом смысле. ни у Пушкиной, ни у Ланского нет ничего, и свет дивится только этому союзу голода с жаждою. Пушкина принадлежит к числу тех привилегированных молодых женщин, которых государь утомляет иногда своим посещением. Недель шесть тому назад он тоже был у нее, и вследствие этого визита или просто случайно, только Ланской вслед за этим назначен командиром конногвардейского полка, что по крайней мере временно обеспечивает их существование, потому что, кроме квартиры, дров, экипажа и проч., полк, как все говорят, дает тысяч до тридцати годового дохода». «Ланской был прежде флигель-адъютантом в кавалергардском полку и только недавно произведен в генералы,— приписывает Корф в особом примечании.— Злоязычная молва утверждала, что он жил в очень близкой связи с женою другого кавалергардского полковника Полетики. Теперь говорят, что он бросил политику и обратился к поэзии»³. Таким образом, для роли покладистого мужа Натальи Николаевны был избран человек из того же «строгановского» круга.

В. А. Соллогуб утверждал, что Пушкин в лице Дантеса искал или смерти, или расправы с целым светским обществом. Горестное значение этих слов осведомленного современника только теперь предстает перед нами в его истинном свете. Догадки советских исследователей подтверждаются.

¹ Пушкин в письмах Карамзинных 1836—1837 гг. М.—Л. АН СССР. 1960, стр. 190, 192.

² Литературное наследство, т. 16—18, стр. 784.

³ Центральный государственный исторический архив в Москве, фонд 728, опись 1, часть 2, № 1817, часть 7, лл. 263—264.

НОВАЯ И МИР

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Год издания XXXVIII

№ 2

Февраль, 1962 г.

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр
А ТВАРДОВСКИЙ — Космонавту, стихотворение	3
БАСИЛИЙ РОСЛЯКОВ — Один из нас, повесть	5
ФЕДОР ЕФИМОВ — Ветер в грудь, стихотворение	64
С. ЗАЛЫГИН — Тропы Алтая, роман. Продолжение	65
ИЗ ЧУВАШСКОЙ ПОЭЗИИ. Яков Ухсай. О лошади.— Геннадий Айги. Куст сирени в ночном саду, Снег, Сказка, Зимние ночи. Перевели Бо- рис Ирнин и Д. Самойлов	132
ЯКОВ ХЕЛЕМСКИЙ — Баллада о четвертой жене (Из стихов об Африке)	140
В. КАВЕРИН — Семь пар нечистых, повесть	142

ПУБЛИЦИСТИКА

И. ДУБИНСКИЙ — Славные имена, славные страницы	178
--	-----

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ

ВЛАДИМИР РУДНЫЙ — В центре циклона	188
------------------------------------	-----

К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ А. С. ПУШКИНА

ЭММА ГЕРШТЕЙН — Вокруг гибели Пушкина (По новым материалам)	211
---	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Т. МОТЫЛЕВА — Над страницами Томаса Манна	227
---	-----

К 70-ЛЕТИЮ К. А. ФЕДИНА

И. Соколов-Микитов. Письмо другу — Константин Паустовский. Взамен юбилейной речи.— Г. Марков. О Константине Федине	243
---	-----

(См. на обороте)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР»
Москва